

#1

16+

ЛИТО

ЩЕГЛЫ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

2019

Нина Штадлер

Сборник рассказов Лито «Щеглы»

«Автор»

2019

Штадлер Н.

Сборник рассказов ЛитО «Щеглы» / Н. Штадлер — «Автор»,
2019

ISBN 978-5-532-09581-6

Уважаемые читатели! ЛитО «Щеглы» представляет первый сборник рассказов наших авторов. В него включены истории, написанные в разных стилях и жанрах, поэтому каждый найдёт интересное и близкое ему произведение.

ISBN 978-5-532-09581-6

© Штадлер Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Введение	5
Нина Штадлер	7
Без срока давности	8
Милена Миллинткевич	12
Маленькая история большого мастера	13
Виктор Тамаев	18
Модный нокаут	19
Кораблики	28
Олег Силантьев	29
Осень	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Нина Штадлер, Олег Силантьев, Таня Мороз, Ева Вишнева, Ангелина Шуракова и др. Сборник рассказов ЛитО «Щеглы»

Введение

Уважаемые участники выставки ММКВЯ-2019!

Предлагаем вашему вниманию первый сборник авторов литературного объединения ЛитО «Щеглы».

Нашему ЛитО всего два года, оно объединяет начинающих писателей из разных стран и городов.

В 2017 году мои семинаристы создали группу «ВКонтакте» для поиска единомышленников, обмена опытом, совместной творческой работы. Сейчас наше ЛитО насчитывает более 5000 участников – это и начинающие писатели, и художники, и журналисты, и читатели – люди разных профессий, возрастов, взглядов, но объединенных любовью к литературе.

В этом году мы впервые решили принять участие в ММКВЯ, некоторые из нас напечатали свои первые книги, представили рассказы для сборника. Мы постарались сделать сборник интересным и разнообразным.

Каждый читатель найдет для себя рассказ, близкий по духу.

Читайте и подписывайтесь на нашу группу «ВКонтакте» https://vk.com/great_birds «Щеглы».

Ирина Владимировна Щеглова, писатель, автор популярных книг для взрослых, детей и подростков.

Нина Штадлер

Образование филологическое, РГФ. Последние десять лет работала художником-дизайнером. Всеядна, в зависимости от настроения пишу короткие любовные романы, повести в жанре фэнтези, иронические романы с элементами детектива, боевика и мистики, сказки для детей младшего школьного возраста.

Люблю смешивать разные жанры. Опубликовала ряд лав-стори в федеральной прессе. Готовлю сборник «Тысячеликая любовь», в который войдут все незатейливые истории о любви. Занимаюсь росписью по шелку, стеклу и керамике. Очень люблю животных и философски отношусь к жизни.

Без срока давности

Довольно покряхтывая, восьмидесятидвухлетний дед Матвей сполз с теплых кирпичей лежанки, куда его загнала после обеда ноющая боль в пояснице, вдел ноги в обрезанные валенки и, накинув старый ватник, вышел на крыльцо.

Погода стояла не по-осеннему теплая, солнышко мягко грело, спина болеть перестала, и он враз ощутил свою причастность к мировой гармонии.

Благостное настроение деда нарушили визгливые женские голоса.

– Ежели ты, Катька, не уследиши за своим петухом, – услышал дед сердитый голос своей жены Глафиры Сергеевны, – то я ему последние перья на хвосте повышшипываю и голым в Африку пушшу!

– Ты его наперед догони! Ведь еле ногами шаркаешь! – донеслось в ответ ехидное надтреснутое сопрано соседки Екатерины Тимофеевны, почтенной пожилой вдовы, которую его злобная жена неуважительно величала Катькой. – А уж потом и щипи!

– И догонять не стану! – захлебнулась от возмущения Глафира. – А как увижу ишшо на своем огороде, так и пульну в него поленом! Собирай потом косточки на суп.

– Тогда я твою козу Маньку с обрыва столкну, чтоб на мою траву не зарилась. А то, ишь, повадилась ее под мой плетень привязывать!

– За плетнем земля не твоя, а общшественная! – не отступала Глафира. – А огород – он мой, личный!

– Обшшественная! – передразнила шепелявый говорок соседки мстительная Катерина. – Обшшественная вместе с колхозами в соцализме осталась. А у нас теперь капитализм с каким-то там лицом, не помню уж, каким. Так чтоб и духу твоей поганой козы под моим забором не было!

Громкая перебранка глупых баб возмущала мирную тишину дня и мешала деду Матвею чувствовать гармонию с окружающим миром.

– Бабоньки, кончай трещать. А то шума от вас шибко много! – миролюбиво проговорил он и сразу понял всю глупость своего поступка.

– Эх, зря я это сделал! – еще философски успел подумать дед, прежде чем повернувшиеся к нему скандалистки дружно рявкнули:

– Не встрявай не в свои дела!

А жена добавила с непередаваемо пакостной интонацией:

– Однава уж встрянул... Мож, повторишш?

Так это ж когда было-то! – жалобно пискнул дед и, проклиная свой старческий маразм и потерю бдительности, шустро юркнул обратно в дом. Осторожно прикрыв за собою дверь, он с облегчением вздохнул и утер ладонью вспотевший лоб.

– Вот ведь какие бабы неугомонные... Почти шестьдесят лет прошло, а они все воют! – озадаченно пробормотал он.

И память тут же услужливо подбросила ему события пятидесятипятилетней давности, положившие начало многолетней войны между женщинами.

– Матюшш, а Матюшш! – как наяву услышал он звонкий голосок своей молодой жены Глаши. – Я в селпо побежала. А ты зайди к Катерине. Она просила помочь ей сундук с чердака сташшить. Одна не совладает. А мне недосуг!

– Ладно, – пробасил двадцатисемилетний красавец Матюша, пятерней причесывая спутавшиеся со сна белокурые кудрявые волосы. – Вот только поем и схожу!

С этими словами он сгреб супругу в охапку и, крепко прижав к себе, запечатлел на ее губах смачный поцелуй.

– Ты что твориши-от, бесстыдник? – счастливо охнула Глафира. – Люди ишшо увидят!

– А что нам люди? – хохотнул довольный парень, ласково заглядывая в ее сияющие любовью глаза. – Мы с тобой, почитай, месяц как расписаны, все законно.

Выскользнув из его рук, Глаша пошла к калитке, крикнув на ходу:

– Так ты ж не забудь помочь Катюхе сундук с чердака стащить!

Катюха была ее школьной подругой, вернувшейся в село из города после смерти мужа, погибшего в пьяной драке полгода назад. Была она тихой и скромной, но на свадьбе Матвея и Глафиры танцевала, пела и хохотала больше всех, вызвав стойкое неодобрение окружающих.

– Не успела мужа схоронить, а уж пляшет вовсю. Срам какой! – сердито бурчала посаженная мать Глаши, искоса поглядывая на неприлично развеселившуюся молодую вдову.

– Да будет Вам, крестная! – заступилась за подругу счастливая невеста. – Вы не знаете, как они жили-от. Что ж ей теперь, заживо себя хоронить?

И, чмокнув в морщинистую щеку, поспешила к мужу.

Со свадьбы Катерина уходила последней и на прощанье с кривой усмешкой сказала вышедшему покурить на крыльцо Матвею:

– Ох, и свезло ж Глашке с мужем... Не будь она моей лучшей подружкой, отбила бы! Ей-богу, отбила!

Приняв слова за шутку, Матвей широко улыбнулся в ответ.

После свадьбы молодые зажили душа в душу. С Катей они почти не виделись, а вот сегодня она попросила ей помочь.

После завтрака Матвей отправился исполнять данное молодой жене обещание. Весело насвистывая, он постучался в окно соседки.

– Кать, ты дома? – крикнул он, выждав минуту.

– Да тута я, тут! – раздался откуда-то сверху голос Катерины.

Матвей поднял голову и обомлел. На крыше сарая в ореоле насквозь пронизывающих ее платье солнечных лучей стояла прекрасная незнакомка. Прямые плечи, пышная грудь, умопомрачительно стройные бедра – все то соблазнительное женское естество, которое скрывалось мешковатого покроя платьями, вдруг так призывно выступило наружу, что у парня пересохло в горле.

– Ну, что стоишь, ровно столб? – шутливо крикнуло грешное видение знакомым Катюшиным голосом. – Влезай, скорей!

Пряча глаза и смущаясь, Матвей быстро забрался наверх. Стыдясь охватившего его чувства, он пытался вернуть прежний Катин образ, но перед глазами у него упрямо стояло высвеченное солнцем роскошное тело.

– Ну, давай, кажи. Где твой сундук? – севшим голосом произнес он, оглядывая чердак, засыпанный свежим сеном.

Катя тронула его за плечо. И вдруг неожиданно для самого себя Матвей обнял девушку. Она затрепетала в его объятиях, и голова у парня пошла кругом. Эту дрожь нельзя было спутать ни с чем. То было любовное томление истосковавшейся по ласке женщины.

– Только раз... Один лишь раз... Желанный мой, любимый! Тебя не убудет... Пусть Глашенька меня простит, не могу больше! – услышал он над ухом горячий шепот, и уже не помня себя, впился жадными губами в мягкий податливый рот.

Не выдержал Матюша искушения. Согрешил. И так сладко было ему грешить, что долго еще потом лежал он в душистом сене, обнимая Катю, прильнувшую к его плечу.

Голос жены вмиг вернул обоих в реальный мир.

– Матвей, где вы там? – вопрос прозвучал так весело и беззаботно, что у него заныло сердце. Испуганной птичкой метнулась в дальний угол Катерина и застыла, поправляя сбившуюся на плечи косынку.

Совершенно ничего не соображая, Матвей тоже встал и закурил.

– Вот вы где прячетесь! А че... – весело выпалила Глаша, появившись в чердачном проеме. Но увидела стоящего с убитым видом Матвея и съезжившуюся в углу Катю и все поняла.

– Ну, спасибо тебе, подруженька, милая... – с трудом выговорила она. – Вот уж удружила, так удружила...

Повернувшись к мужу, тоскливо добавила:

– Что ж ты наделал, Матвей? Как ты мог?

И быстро спустилась по лестнице.

Матюша первым очнулся от охватившего его столбняка.

– Глашенька, родная, прости! – волком взвыл он и, кубарем скатившись вниз, бросился за ней. Следом метнулась Катерина.

Догнав Глафиру у калитки, она бросилась перед ней на колени.

– Прости меня, подлую, если можешь! Виновата я! Знала, что нельзя его любить, да не устояла... Прости, Христа ради, прости! Завтра же отсюда уеду, ты только прости!

Молча перешагнув через бьющуюся в рыданиях Катю, Глаша собрала немудрящий узелок с вещами и ушла жить к матери.

На следующее утро Катерина уехала в город и вернулась в родное село только спустя долгие тридцать лет. Замуж она так больше не вышла.

Через полгода Матюше все же удалось вымолить у жены прощение. И никогда больше они не вспоминали о случившемся. Но, хотя Катя и взяла на себя вину, сам-то он прекрасно помнил, как было в действительности, и жестоко страдал все это время, слушая перебранки женщин.

И только сейчас, заново переживая события тех далеких лет, дед Матвей нашел в себе силы признать, что вел себя в той ситуации не по-мужски трусливо, чтобы не сказать – подло. И что пришла пора восстановить поруганную справедливость.

Крякнув и поплевав на окурочок, дед кинул его в поддувало печи и решительным шагом вышел на крыльцо. Не обращая на него никакого внимания, женщины продолжали вяло переругиваться. Матвей кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, и крикнул жидким фальцетом:

– Хватит воевать-от, бабы! Хватит. Это ведь я виноват в том, что вы стали врагинями на всю жизнь! Я так испугался тогда, что ты от меня уйдешь, Глафира, – мотнул он жиденькой бороденкой в сторону жены, – что свалил всю вину на Катерину. А это неправильно. Грешили-то оба, а расхлебывать пришлось ей одной.

– И ты прости меня, Катя. – повернулся он к остолбеневшей от изумления соседке. – Куда ни кинь – я во всем виноват! Одна только и дал слабину, а всю жизнь маемся... И сколько нам еще той жизни осталось? Не хочу помирать с грехом на душе. Простите, бабоньки, если можете.

Закончив прочувствованную речь, дед Матвей церемонно поклонился им в пояс. И, с трудом разгибаясь, с изумлением почувствовал, как темнеет в глазах, а из-под ног с шумом уходит земля.

Очнулся он уже в комнате на диване. Полежал немного с закрытыми глазами и припомнил, что вроде как потерял на крыльце сознание и упал. Значит, сюда его перенесли. Кто же, интересно?

Хлопнула дверь.

– Спасибо тебе! – послышался благодарный голос жены. – Как же ты вовремя рядом оказалась! А то как бы я одна этого кабана в дом затащила!

Дед понял, что кабан – это он, и затаился, слушая дальше.

– Докторша сказала, покой ему нужен... Ты говори, ежели чего надо. Я всегда помогу. – раздался второй голос, услышав который Матвей чуть не свалился с постели от удивления. Это был голос Екатерины Тимофеевны, лютой врагини его жены!

– Блазнится мне, что ль? – оторопев, подумал он.

– Вдвоем-то мы его скорее вытянем! – непривычно мягко произнесла Глафира. – Пушшай сто лет живет старый греховодник. Делить-то нам с тобой уж боле нечего! – лукаво хихикнула она.

– Так ты на меня вовсе зла не держишь? – услышал порозовевший после этих слов дед голос Катерины.

– Да я что? Я отходчивая. Никогда на тебя шибко и не серчала. Понимала, что супротив моего Матюшши редкая баба устоит... – с самодовольным смешком ответила Глафира. – Я пушше для порядку ругалась. Чтоб впредь неповадно было!

Раздались звуки поцелуев, шмыганье мокрых носов. И сквозь прищуренные веки деду Матвею явилось чудное виденье: обнявшись, словно сестры, в дверях стояли заклятые врагини и с одинаковой нежностью смотрели на него.

– Чудны дела твои, Господи! – озадаченно подумал дед. – Бабоньки-от, похоже, помирились у мово смертного одра... Теперь, однако, бдить надобно, чтобы они супротив меня сообщ военных действий не начали. Ведь, почитай, боле полсотни лет друг на дружке тренировались, поднаторели в этом деле!

И, повернувшись на другой бок, дед сладко захрапел.

Милена Миллинткевич

Родилась и живу в Краснодаре. По образованию педагог. Нравится наблюдать за людьми, подмечать эмоции, переживания. Пишу стихи и прозу в жанрах философская и ироническая лирика, психологическая драма, реализм, современная проза, поучительные сказки для детей и взрослых.

Лауреат трех литературных конкурсов. Издавалась в коллективных сборниках. В 2019 году вышел авторский сборник рассказов. Готовится к выпуску первая часть романа–дилогии «Басурманин. Дикая степь».

Страница автора: <https://vk.com/milenamillintkevich>

Маленькая история большого мастера

Сказка-притча

– Мир вашему дому, сид Фархад! Вот, экскурсию к Вам привел.

Просторная лавка чеканщика наполнилась шумным многоголосьем.

– Мир всем, кто идет правильным путём. Заходите, прошу. Я рад гостям. – Отозвался хозяин, улыбаясь.

– Пожалуйста, уважаемые. Только посмотрите на эти чудесные предметы! С какой теплотой они изготовлены! В каждой вещи чувствуется рука мастера. Изумительные чайники и подносы, любой стол украсят! Как искусно сделаны, взгляните! Двух похожих вы тут не найдёте, – рекламировал товар гид. – А светильники! Во всём Марокко таких больше не сыщете! Разве я вас обманул, сказав, что отведу к лучшему мастеру в Медине? Посмотрите, филигранно выполненная чеканка великолепна, ажурные кружева у светильников восхитительны. Видите изящество этих плафонов? Взгляните, как волшебные тени прячутся в потоке золотого света?

Покупатели восхищались работой мастера, переговаривались, вздыхали. Словно к чему-то хрупкому бережно прикасались к узорчатым куполам бронзовых светильен, ловили своё отражение в зеркальном блеске латунных подносов, восхищались утончённостью линий медных подсвечников причудливой формы. Туристы разбрелись по лавке, а гид все нахваливал уникальность столовых приборов, красоту великолепных сахарниц и величавость чайников на витых ножках с изящно изогнутыми носиками, гордо возвышающихся над прочей посудой.

Сид Фархад давно свyksя к этим шумом. Его младший брат работал гидом в агентстве по соседству и часто приводил в лавку туристов на экскурсию: завлекал красотой чеканной посуды, рассказывал о процессе создания подсвечника или тарелки, удивлял волшебной игрой теней и света. После такого представления никто без покупки уйти не мог. Чеканные столовые приборы, джазвы и чайники, сахарницы и тарелки, подносы и подсвечники, светильники настольные и потолочные были штучным товаром, сделанным аккуратно и с большой любовью. Роскошь и великолепие так и манили гостей расстаться с наличностью.

Этот визит ничем не отличался от предыдущих, разве что... Внимание хозяина привлёк посетитель. Он появился в лавке, когда шумная толпа туристов уже заполонила собой всё пространство. Стараясь оставаться незаметным, он встал в стороне и с интересом взирал на многоликую публику. Пожилой. Не турист – одет, как все марокканцы. Не суетлив. И лицо. Что-то в нём было неуловимо знакомым. Ах, да! Хозяин узнал гостя! Сколько лет прошло с тех пор...

...Бабушка сдёрнула покрывало со спящего мальчика.

– Фархад! Просыпайся! Твой дед, отец и братья давно уже в лавке. Один ты лежишь, как сид. Поднимайся!

Нехотя разлепив глаза, Фархад встал с кровати.

– Поторопись! В школу бегом бежишь, а как в мастерской помогать – не поднимешь. Деньги сами себя не заработают.

Наскоро перекусив лепешкой с кусочками вареных овощей, Фархад выскочил из дома и помчался со всех ног. Медина встретила его горячим воздухом, пронизанным какофонией звуков и духотой. Мальчик бежал по узким улочкам, а мимо него проносилась вся многогранная палитра старого города, наполненная буйством красок и восхитительными ароматами пряностей и марокканского кофе. Вот в этой улочке живут гончары. Их изящные, украшенные

диковинными росписями кувшины, горшки и тарелки так любит мама. А вон в той торгуют специями. Бабушка без них ничего не готовит. Невообразимо дивный аромат наполнял горячий воздух терпкими нотками корицы и гвоздики, тяжёлыми тонами перцев и куркумы, неведомыми нитями запахов жасмина и базилика. Пробежав мимо тележки зеленщика, Фархад наклонился и подобрал с земли веточку мяты. Она всегда очень кстати, ведь его путь лежит мимо мастерских Шауара квартала Таннеурс, знаменитых своими кожаными красильнями. Стойкий густой дух этого места не сравнится своей насыщенностью с кварталами, где торгуют парфюмом, маслами и специями. В огромных каменных чанах в растворе куриного помета, источающего едкий запах аммиака, кожевенники замачивают шкуры животных, из которых после окраски делают сумки, ремни, обувь и прочие сувениры. Очень элегантные. Но брр... как же тут неприятно пахнет. Можно отправиться в мастерскую другим путем и избежать «удовольствия насладиться» жуткими запахами, но так короче.

– Балек! Берегись!

Задумавшись, Фархад чуть было не столкнулся с гружёным шкурами осликом. Что и говорить, улочки в старом городе не просто тесные: стены домов стоят близко друг к другу, крыши навесов соприкасаются, закрывая узкую полоску неба. Тут порой двум людям не разойтись, не то, что осликам разъехаться. Есть, конечно, улочки просторнее: на них блещут своей красотой медресе и мечети, которых на Медине огромное множество. В кварталах, где торгуют одеждой и коврами тоже свободно. Но в основном на улицах Медины очень тесно. Хорошо, что тут не ездят машины – редкие скутеры и мотороллеры не в счёт.

Фархад сделал ещё несколько поворотов и оказался перед лавкой. У входа стоял один из братьев.

– Явился! Все сны посмотрел?

Отвесив младшему подзатыльник, старший подтолкнул его вглубь мастерской, где уже трудились взрослые родственники.

– Принимайся за работу, бездельник, – недовольно пробурчал дедушка. – Будешь так относиться к делу, никогда из тебя путного мастера не получится. Вот, скопируй этот орнамент.

И сунув в руки внуку обрезок листового железа, кальку и связку инструментов, старик вернулся к своей работе. До обеда Фархад корпел над заданием. И так пытался, и этак. Все пальцы исколол конфарником, руки изрезал об острые края медного листа. Ничего не выходило. Может быть оттого, что он не сильно-то и старался? Там, на улице бурлила жизнь, неслась сплошным потоком. А тут в мастерской всё словно замерло, застыло. Там, гудели голоса, вместе с брызгами фонтана разлетался детский смех. А тут стояла невообразимая тишина, даже не слышно стука молоточков. И духота. Как же жарко...

... В лицо ударил яркий поток света. Фархад испугался и зажмурился. Было непривычно тихо и, казалось, будто над головой нещадно палило солнце. Медленно открыв глаза, мальчик осмотрелся и не поверил тому, что увидел. Как он здесь очутился? Вокруг простиралась пустыня. Барханы, причудливыми волнами спускались к ногам. Лёгкий ветерок поднимал в воздух мелкие песчинки, закручивал в маленькие вихри и обрушивал их на голову, больно колот и обжигал неприкрытые руки.

– Фархад! – Услышал мальчик чей-то голос за спиной и обернулся.

Перед ним стоял старик с седой бородой, в тюрбане и длинных белых одеждах.

– Подойди.

Фархад сделал несколько неуверенных шагов навстречу и остановился.

– Покажи мне свои пальцы.

Мальчик протянул руки.

– Да! Тяжело, смотрю, даётся учение. Разве тебе не нравится то, что ты делаешь?

– Нравится. Очень, – оживился Фархад. – Только... Я хочу, как мои братья, украшать чайники и подносы, а не покрывать узорами обрезки.

– Ты слишком спешишь. Посмотри на этот дивный бархан. Изю дня в день ветер трудился над своим творением, укладывая песчинки волнами, заставляя песок струиться по склону. Разве можно было сделать такую красоту за один день? А ты торопишься как бурный поток после дождя, суетишься, спешишь. Чтобы создать что-то поистине прекрасное, нужно не только умение, но и много терпения, старания. Посмотри на свои руки. Они все в крови. Ты полдня просидел над уроком, заданным дедушкой, и не выполнил его. Разве ты не желаешь стать таким же умельцем, как братья?

– Конечно, да! Я хочу быть лучшим! Хочу, чтобы искусство чеканищиков нашего рода не пропало в веках! Дедушка рассказывал о своем прадедушке. Он был великим мастером, создавал неповторимые узоры. К нему ехали отовсюду. Кто бы ни пытался скопировать эту красоту, у них не выходило. Я хочу стать мастером, каким был прадед моего дедушки. Хамид его звали. Хочу! Только вот... не знаю как.

Посмотрев на свои израненные руки, мальчик вздохнул и затих, опустив голову.

– Как мастер Хамид хочешь стать?

Старик задумался, а потом улыбнулся.

– Я помогу тебе, Фархад. Если сделаешь, что скажу – добьешься желаемого. Согласен? Мальчик кивнул.

– Тогда запоминай! Учись прилежно, слушай советы старших, не ленись. Если говорят тебе повторить рисунок два раза, три, десять – делай. Чем упорнее будешь трудиться, тем лучше станет получаться. Это художник может исправить неудавшийся мазок на холсте. Закрасит и напишет заново. Чеканищик себе такого позволить не смеет. Его ошибка так и останется на металле, а значит, чайник или поднос уже не будут иметь уникальный орнамент. Потому говорю тебе – учись на том, что дают. Прилежно учись! Набьешь руку на обрезках, последующая работа лёгкой покажется. Не отвлекайся по пустякам, запоминай все, о чем тебе говорят. Трудись без усталости! Только так можно стать хорошим мастером.

– И я буду как Хамид?

– Нет. Если терпеливо постигнешь ремесло, станешь лучше, чем мастер Хамид. К тебе поедут со всего Марокко. Твои работы разъедутся по свету, украшая дома людей во многих странах. И однажды ты передашь умение внуку, который потом доверит секреты мастерства своему.

– Но у меня нет секретов.

Старик улыбнулся, поднял руку, начертил в воздухе загадочные символы и песок, словно золотая пыль, взметнулся вверх, создавая причудливые узоры из цветов, листьев и диковинных орнаментов. Вся эта невообразимая красота застыла в воздухе, мерцая и искрясь в солнечных лучах, словно картина, написанная на невидимой глазу стене.

– Теперь у тебя есть секрет. Запомни рисунок. Он поможет создавать предметы неповторимой красоты...

... – Ты, что же это, спишь? Бездельник!

Фархад проснулся. Ругаясь, дед тряс его за одежду.

– Я не успел сказать спасибо.

Растерянно протерев глаза, мальчик озирался по сторонам.

– Благодарю Всевышнего, что у меня много дел. А то я бы тебе задал!

Не обратив внимания на сказанное внуком, старик отвесил ему подзатыльник и вернулся к работе. Отец с укором смотрел на сына. А мальчик улыбался. У него появилась цель.

Изю дня в день прибежал Фархад в мастерскую раньше братьев и уходил вместе с отцом, когда на город спускалась ночь. Старательно выполнял все, что ему поручали, и однажды случилось чудо. Узор, казавшийся сначала сложным, неожиданно удался, да так быстро и хорошо, что в награду дед позволил украсить орнаментом ложку. Когда мальчик закончил

работу, уже стемнело, и в лавке остался всего один покупатель. Он ходил между полок с выставленными на них подносами, чайниками и чашами, и молча всматривался в рисунок на металле.

– Вот, дедушка, посмотри. У меня получилось?

Фархад выскочил из мастерской в лавку и протянул деду ложку.

– О, это очень хорошая работа, – прозвучал над головой мальчика голос покупателя. – Я возьму её для своей дочки.

Домой Фархад шел преисполненный счастья и гордости. Все разговоры за ужином были только о том, как он умело продал свою первую работу.

На следующий день после школы Фархад на крыльях летел в мастерскую. Ему хотелось поскорее приняться за дело.

– Погуляй сегодня, – встретил его у входа дед. – Вчера все пальцы исколол, пока ложку резал. Отдохни.

– Нет, я лучше поработаю, – ответил мальчик и уже хотел взять обрезок, когда ему в руки лег набор из двух ложек: большой и маленькой.

– Раз ты так желаешь, вот, сделай до вечера. Сможешь?

Ничего не ответив, мальчик принялся за работу и к исходу дня обе ложки были готовы. На следующий день история повторилась. Школьные друзья звали Фархада поиграть у фонтана. Но он старательно выводил узор на маленькой тарелке, не отвлекаясь на свои желания. Как ни пытались злые духи искушать Фархада – он не поддавался. Уговаривал ли дедушка пойти погулять, Фархад отвечал:

– Нет.

Братья предлагали сходить с ними на рынок верблюдов, купить баранов к празднику. И опять:

– Нет.

Но как ему хотелось ответить «Да»! Отец звал посидеть рядом и рассказать о школе. Фархад соглашался поговорить об учёбе, но от задания, что давал ему дед, не отрывался.

С каждым днём у него получалось лучше и лучше. Работа ладилась, словно невидимые силы водили рукой маленького мастера. И чем больше он старался, тем легче давались сложные узоры. Фархад уже освоил ложки и тарелки, ему доверяли украшать ручки для чайников, стаканы и маленькие подсвечники, как вдруг случилась беда. Заболел дедушка.

В то утро отец остался дома. С грустью шёл Фархад по тесным улочкам: сегодня в лавке работали только братья. Войдя в мастерскую, он увидел поднос, который ещё с вечера резал дед. Красивый орнамент украшал борта и середину, но в центре было пусто. Словно яркий поток солнечного света пронеслось в потемневшей от переживания голове мальчика: сегодня придет заказчик, а работа не сделана. Семья не получит денег, а по Медине разлетится дурная слава о дедушке. Фархад выглянул в лавку. Братья занимались покупателями, которых сегодня было необычайно много.

Дрожащими руками взял мальчик поднос и положил на стол для резки. Он очень боялся испортить работу дедушки. Но лишь только дотронулся до конфарника и молоточка, страх исчез. Витиеватым узором выходили из-под резака ветка за веткой, цветок за цветком. С наступлением темноты поднос был готов.

Фархад понял сразу, что явился заказчик. Из лавки доносились громкие голоса. Братья, перебивая друг друга, извинялись, умоляли покупателя подождать, рассказывали о внезапной болезни дедушки. Обещали через пару дней доделать поднос.

Набрав в легкие побольше воздуха и шумно выдохнув, Фархад вышел из мастерской:

– Не надо ждать. Я закончил работу.

Братья в недоумении смотрели на него. Им казалось, что от жары их младший тоже заболел.

– Вот взгляните, – Фархад протянул поднос заказчику, не обращая внимания на вошедшего в лавку отца. – Если вам не понравится, вы можете не платить.

Покупатель взял в руки поднос долго вертел его, вглядываясь в рисунок, всматривался в причудливый растительный узор по центру и сложный орнамент по краям. Потом достал деньги и подал отцу мальчика.

– Возьмите. Это вторая часть платы. Хорошо, что успели. Я приезжал в Фес по делам. Утром улетаю домой. А это... – он достал ещё одну купюру и подал Фархаду, – заработал. Моя дочь до сих пор не расстается с ложкой, что ты сделал. Из тебя получился прекрасный мастер. Я знал...

... Сид Фархад смотрел на необычного гостя. Много лет прошло! Но он не забыл! Где-то вдалеке звонкий голос младшего брата расхваливал новый товар – шкатулки, инкрустированные природными камнями.

– Простите, уважаемый, сколько времени уходит на изготовление такого светильника?

Голос гостя прозвучал неожиданно близко.

– Смотря кто будет делать, сид. Если мои сыновья, то две недели или больше. Если я – быстрее.

Гость кивнул.

– Мне нужно девять ажурных светильников. Вот таких. – Он указал на массивный потолочник украшенный причудливыми растительными кружевами. – И два настольных с тем же узором. Хочу дочери на свадьбу сделать особенный подарок. Но я желаю, чтобы работу выполнили именно вы.

– Не тревожьтесь, сид. Сделаю.

Посетитель кивнул и положил деньги на прилавок.

– Вот задаток. И я уверен, всё будет великолепно!

Слегка поклонившись, гость удалился.

– Кто это был, – спросил младший брат, когда лавка опустела.

– Мой первый и самый главный покупатель, – ответил сид Фархад.

Виктор Тамаев

Для отзывов и пожеланий: tamaev.viktor@mail.ru

Родился в Волгограде, живу в Московской области. По первому образованию тренер-преподаватель физической культуры. В настоящее время работаю руководителем проектов в телекоммуникационной компании.

Пишу прозу. В 2018 г. с миниатюрой «Кораблики» стал финалистом конкурса к 200-летию И. С. Тургенева «Родине поклонитесь».

Сейчас работаю над историческим романом о событиях VI века н. э. в Италии.

Модный нокаут

Он клялся, что не вернётся.

Несколько тысяч фанатов ревут вокруг клетки, а несколько десятков ламп льют сверху белый свет. Загорелая октагон-гёрл в красных шортиках и лифе с надписью «ММА» – в руках над головой табличка с цифрой «1» – обходит по кругу место поединка. Вся арена вокруг – в темноте, и только этот восьмиугольник сияет, как луна, что упала на землю. Он стоит внутри – за гибкой сеткой, натянутой между столбами, – с противником по кличке Дуболом и круглолицым рефери в чёрной футболке.

Девушка покидает клетку – и звенит гонг.

Звон ещё пульсирует в ушах, а он уже бросает кулаки в черных мягких накладках в ненавистную рожу Дуболома. Но они врезаются в пустоту. Кровь пульсирует в каждой жилке, ярость разрывает в клочья, и тут нога противника летит ему в бедро, если попадёт в мышцу – перебьёт, и Дуболом победит. Кое-как парирует атаку согнутым коленом, и – боль в правой голени.

Разъяренным носорогом ринулся в ноги, схватил, дёрнул на себя. Хруст. Это противник спиной долбанулся о настил клетки. Сел сверху и заколошматил руками, как одержимый.

Дуболом едва успевает прятать за ладонями лицо. Вот-вот застучит рукой о настил, подавая сигнал, что сдаётся, и рефери объявит победу.

Но рефери ласковым женским голосом объявил:

– Вставай, Ермоша. В универ опоздаем.

Ермолай ощутил на плече мягкие лёгкие пальцы. Учужал запах жареных гренок и аромат кофе. Открыл глаза. Рассветный сумрак царил в комнате, и он едва различал девичье лицо над собой.

– От кого убежал? Так ногой дернул – чуть грядущку не сломал.

Тут Ермолай понял, почему у него болит правая нога. Растянул тонкие губы в улыбке:

– Такой бодрый сон прервала. Еще бы часок соснуть.

– Нечего мордобой по ночам смотреть, – перебила супруга.

Она встала с края скрипучего дивана-полуторки. Её пухлые пальцы погладили живот – это вошло в привычку за два месяца, что прошли с того дня, как гинеколог подтвердил ожидания.

– Иди, кофе и гренки остынут, – сказала она и ушла в ванную.

– Клёво! – откинул одеяло и сел.

Задумался. Вспомнил Васю по кличке Дуболом из параллельного класса – известного хулигана в их родном городке Чусовой Пермского края.

В то школьное время Ермолай не расставался с блокнотом. Сидел как дикий сыч, прослыш среди одноклассников хмурым чудиком, и рисовал. Рисовал где придется и когда придётся. Не мог не рисовать.

Девятый класс. На школьном дворе Васька-Дуболом выхватывает у него тёмно-синюю книжицу, лапает её толстыми пальцами и рвет рисунки платьев, костюмов и пальто, страницы летят на жёлтую листву, в грязь, а лужи мрачно блестят, покрываясь бумажными клочками.

Ермолай замирает и с шумом втягивает воздух. Сжатые губы предательски дрожат, намекаясь расползтись в рыданиях, а когда уши режет колючий смех обидчика, ресницы частят, смахивая влагу с глаз.

Сжал кулаки. Ринулся на врага – получил кулаком в глаз. Удар ногой под дых свалил вниз, согнул, как тонкий стебель.

Налетел студёный ветер. Тёмные тучи немедля сбросили холодный дождь, заставив редких безучастных зрителей поспешить внутрь школы. Всхлипывая от боли – глаз затекал, а в животе словно ещё остался жесткий носок Васькиного ботинка, – собирал рисунки.

– Ещё узнаете меня! Будете слюнями исходить от зависти, когда по телеку покажут. В журналах печатать будут.

Последствия были ужасны. После просмотра боёв представлял себя Питбулем из Бобруйска или Спартанцем из Флориды, воображал, как втирает Ваську в асфальт, но что удивляло – жёсткие зрелища порождали новые идеи дизайна, а жажда успеха превратилась в горячие угли, которые, не переставая, жгли руки и сердце. Забыв про телек, мучил поисковики: «где учат модельеров», «дома мод», «мода прет-а-порте», «конкурсы молодых дизайнеров».

И вот, спустя почти пять лет, апрельским утром Ермолай проснулся в съемной московской однушке – одной из многих, что находятся в пешей доступности от кольцевой автодороги, день и ночь какофонящей гудками, рычащей моторами и благоухающей выхлопами и пылью. Чуть более получаса под землёй – и в центре столицы. А ведь первый год после получения студенческого билета имел шикарные два часа на сон в электричке туда, и чудесные два часа на выполнение заданий обратно. Четыре часа из жизни, но сколько приключений. Ибо в полумраке туманных улиц и переулков областного города можно было побеседовать с брутально-хмельными личностями, которых влекли его длинные волосы и фетровая шляпа. Ну, а если не желал интересного разговора, заменял быстрым бегом, который – в сочетании со скоротечным сном, судорожными завтраками и ночными ужинами – держал в творческом тонусе тело и разум.

Но последние полгода крепил тело в спортзале, а мозг покусывала жена.

Аппетит к его извилинам у неё появился не из вредности или единого женского образования, а в силу проблем у её отца – бизнесмена, которого Воронежская прокуратура зажала в угол ринга и простукивала снизу доверху. И с тех пор крепкая родительская рука помощи превратилась в мелкий хрупкий мизинчик.

Чуть больше года назад, ноябрьским днём, забытый им в столовой студенческий билет привёл его под стол к ногам Ани, где, изучив приятные икры и туфли из последней коллекции, Ермолай отдал ей свои мысли и тело. Такой брак принес ему уют в близости от универа, вкусную еду и уйму времени на рисование, но к следующей предновогодней суете он уже не ощущал прежней пылкости к жене. Жар снижался подобно температуре кухонной электропанели, которую уже отключили, но еще горит значок «Hot». А тут вдобавок Кристина, с которой на бедовую удачу столкнулся в ателье, где она заказывала платье на новогоднюю вечеринку.

Кристина, так же, как и он, оставила близких, приехала в столицу и теперь руками и ногами – без сильных конечностей кикбоксеру никак – пробивала себе путь к вершинам боевых искусств. Они, как два скалолаза, карабкались каждый на свою гору, то зависая над пропастью, то переводя дух на узких выступах, то обдирая ладони об острые камни.

Тёплая сериальная нега, которой окружала супруга, взбалтывалась острой и весёлой болтовнёй с Кристиной. Избежав при знакомстве упоминания о жене, Ермолай всё тянул и тянул с признанием, погружаясь в липкую жижу стыда и обмана. Но жар электропанели вспыхнул вновь – когда Аня порадовала новостью о будущей крохе. Не зря он прислушался к режиссеру Ф. Ф. Кополле, который советовал мужикам, планирующим обзаводиться детьми только после того, как добьются успеха: «Если заведешь детей – точно добьешься». И правда, сегодня у него был важный день. За месяц ночей на кухне он изрисовал и порвал десятки листов, снова изрисовал и порвал, пока наконец сегодня после завтрака, словно драгоценные папирусы, не уложил в сумку эскизы. Эти работы – две уже точно, третью покажет сегодня на экзамене – после одобрения жюри универа участвуют в межвузовском конкурсе молодых модельеров.

Обжегся кофе, слопал изрядно смачных золотистых гренков, побыл бревном под супружеской пилой, зудящей о неуплате за квартиру, в ответ наобещал вечером денег, а Кри-

стине украдкой бросил сообщение, что сегодня никак, с опаской поскоблил щетину бритвой с настолько старыми лезвиями, что, наверное, уже спелись со щеками. Расчесал длинные, до линии рта, темные волосы. Пока искал целые носки, неоднократно был испепелен строгой и нарядной супругой, ждущей в коридоре. Влез в протертые в паре мест синие джинсы, светлую рубашку, чёрные растоптанные кроссовки и пальто-бушлат и за руку с Аней выскочил на улицу.

Прохладный солнечный день накалялся.

После третьей пары Ермолай остановился у двери кабинета завкафедрой костюма и моды. Нежданное эсэмэс Кристины «Завтра улетаю. Есть билет. Давай в три там же?» вынудило его нагрянуть к экзаменатору за полчаса до назначенного времени.

Постучал и услышал тонкий дряблый голос:

– Войдите.

Стильная и ухоженная старушка в нежно-голубом брючном костюме, с прической а-ля Джейн Фонда и а-ля её же возраста отняла глаза в изящных очках от бумаг на столе. Её строгий взгляд словно поджёт ему кожу, сердце заколотилось, и он выдал спич:

– Здрасьте, Васлиса Тимофевна! Я... мне надо пораньше, покажу эскизы, а то не успею.

– Подождите, молодой человек! Подождите, – прервала выступление Василиса Тимофеевна.

Она вернулась к документу и, не поднимая головы, спросила:

– Ваша фамилия, кажется, Степанов, и вы претендуете на участие в конкурсе? Верно?

– Да, я как раз... – но замолчал под её жестким, будто указывающим на его место, взглядом.

– Ваше имя, молодой человек? – сказала она, изучая следующий лист отпечатанного текста.

– Ермолай.

– Значит, говорите, вам что-то надо, иначе не успеете, но, как видите, у меня тоже есть обязанности, и, если эти бумаги не попадут к ректору вовремя... – сложила все листы в папку, которую отодвинула в сторону. – Впрочем, будут вовремя, поэтому готова вас выслушать – потому что рисунки ваши, Ермолай, интересные и кое-где неординарные. А вот юноша вы хоть и неразговорчивый, но с замечаниями не спорите, а исправляете. Ладно, раз нагрянули, видно, что-то важное.

Завкафедрой откинулась в высоком кожаном кресле, а Ермолай, поставив портфель на приставной столик для совещаний, вынул эскизы.

– Здесь добавил португую, сюда – ридикюль, – затараторил он, ещё не зная, что этим вершит перелом в своей жизни, – а это – третья работа. Основа – полосы из белой и зелёной махры, а от верха до низу – широкая полоса из золотистого шелка, на ней объёмная вышивка: вырванная с корнем сосна.

Василиса Тимофеевна сняла очки, протерла пальцами усталые глаза.

– Молодой человек... Ермолай, взгляните на фотографии на стене справа от вас...

«Что ж ты, бабуля, на моих нервах узоры вышиваешь», – он постукивал подошвой кроссовка и крутил пальцами прядь волос около уха, но разглядывал снимки хозяйки кабинета с известными модельерами родины и заграницы.

– ...многих из них я знала еще в молодости, когда в нашей стране было два вида одежды: мужская и женская... – продолжала она, – так вот, к чему я это всё говорю: все они чудили, и выверты у них были разные. Но все как-то в рамках, без банных принадлежностей.

– Это не принадлежность, а халат бойца эмэмэй, вот МакГрегору сам Версаче сшил, – громко заколотили в ответ словесные удары, – а этот – для Емельяна Федорченко, он за Россию, восемь лет, и всё победы.

– Молодой человек, тише, тише. Во-первых, тише, а во-вторых, ваша фамилия как?

«Склероз, что ли?!».

– Степанов, – он всё-таки ответил на вопрос.

– Вот видите – не Кляйн, не Лорен и даже не Пластинин. Халат от Версаче. Звучит? А то же изделие от Степанова?.. Возможно, зазвучит, но не сегодня и не завтра. Оставляйте всё, подумайте спокойно, а через неделю придете с решением... или новым эскизом.

Снимая портфель с приставного стола, Ермолай зацепил оставленные рисунки, и несколько листов, трепеща, как раненые ласточки, полетели на темно-бурый линолеум. Он замер, пальцы сжались, губы дрогнули, накатила испуг, что закапает из глаз, поэтому выскочил, не прощаясь и хлопнув дверью.

Дрожь внутри утихла, но только минут через тридцать, уже на выходе из метро. Пока брёл переходами между станциями, ехал вниз-вверх эскалаторами и трясся в вагонах, мысли, как шарик пинг-понга под ударами ракеток, металась от вредной старушки к вракам Ане – встретил на выходе из универа и наплел, что спешит в ателье, – и успокоил себя: «Встречусь – скажу как есть, и... надо отойти подальше, а то ещё залепит с ноги», но обручальное кольцо с пальца снял, засунув в карман пальто.

Разбитый экран мобильного показал время и угрожающе слабый заряд. «Опаздывает», – подумал он, отходя к памятнику неудавшегося декабрьского мятежа начала двадцатого века. За чёрно-серыми скульптурами – через дорогу – колыхались липы, клены и сирени парка-сквера, где они часто гуляли. Слева от парка расположился светло-серый четырехэтажный дом с двумя полукруглыми мансардными окнами и желтой буквой «М» на фасаде, куда заходили в непогоду пить кофе. Ожидание тянулось, а решимость таяла, как батарея телефона. В задумчивости изучал верхушки зданий Центра международной торговли и Москва-Сити, которые далеко справа тыкали сумрачное небо, когда услышал сзади знакомый голос:

– Привет!

Обернулся, пряча хмурость. Скривил рот, пытаясь подобием улыбки ответить на радостный блеск глаз невысокой девушки квадратного сложения в красно-белом спортивном костюме и сером пуховом теплом жилете. Её темно-русые волосы были стянуты в хвост на затылке, и уши торчали как миниатюрные антенны.

– Чего такой тусклый? – скинула она рюкзак и, убирая в него книгу, произнесла: – Прости, так увлеклась, что пару станций проехала. Зато про Раскольников дочитала.

Ермолай вдохнул, стараясь учуять её парфюм – подарил на день рождения, но в нос ударил запах жареной картошки: рядом два прыщавых юнца жевали яства из Мака, блаженно чмокая. Кристина тоже унюхала ароматы. Но он, заявив, что фаст-фуд подорвет тренировочный настрой, да и погода слишком хороша – солнце уже припекает – чтобы дышать спертым воздухом в кафе, обошелся двумя кофе на вынос, чем еще и спас кошелек от разорения.

Закончив с кофе и трепетной историей про схватку с завкафедрой, Ермолай с удивлением узнал, что Кристина вместо плановой поездки на родину в Астрахань, где ждали ее помощи больная мать и две шустрейшие младшие сестренки, едет на тренировочные сборы, а потом на европейский турнир за рубеж.

– Так удачно получилось, для меня, конечно, не для Светки – она кисть вывихнула. Меня вместо неё берут в команду. Это же такой шанс! – щебетала девушка. – А вот тебе, чтобы не скучал.

Ермолай развернул глянцевый билет. Сердце запрыгало от радости. На него смотрели два голых по пояс бойца: слева – с доброй полуулыбкой и массивным крестом на груди, а справа – с жестким взглядом и татуировками. По верхнему краю слева направо надпись: «Последний император против Пол копа», между противниками, сверху вниз: «Федорченко VS Миркович».

– Очуметь! Круто! – даже бросил вертеть кольцо в кармане. – И место близко. Сразу не смогу отдать.

– Мне даром достались. У нас же братство, а мы в нём – сёстры, – улынулась Кристина. – Все друг друга знают через пятые ноги. Так что есть и такая польза. Кстати, в пятницу подпольные бои. Там же.

Ермолай опять нахмурил брови, опять пальцы крутили кольцо. Он хоть и слышал, что говорит Кристина, но смысла уже не понимал, взгляд блуждал по всему окружающему: по скверу, проходим, по Кристине, по билету.

– Не сомневайся, Мирза пустит, – иначе поняла его задумчивость Кристина. – Он тебя помнит, как про стиль милитари просветил. Ладно, идём. Пора уже.

Они встали и направились к метро.

На одной из пересадочных станций он чмокнул Кристину в щёку, пожелал удачи, поделился фото с халатом раздора и поехал в ателье.

Спустя час Ермолай прошёл через проходную на территорию бывшей швейной фабрики, где хозяин ателье – черноусый и черноволосый, как смоль, по прозвищу Педро – шил «моднявую» одежду для тех, кто ещё не готов тратить на прет-а-порте.

По коридору, мимо помещения, размером со школьный спортзал, где около двух десятков швей склонили головы над машинками, которые мерно вибрировали и тихо гудели, Ермолай дошёл до кабинета атамана моды – уроженца одной из кубанских станиц. Из приоткрытой двери неслась брань, и кто-то рисковал получить узоры на теле за срыв поставок.

По фразе «Вот бестолочь!» понял: беседа закончилась.

– Здравствуйте, Наум Семёнович!

Педро поднял взгляд от ноутбука, откинулся в потертом кресле из чёрного кожанам.

– Здоров. Ну шо у тебя? Садись.

Присел на жёсткий тонконогий стул. Вся обстановка кабинета была проста и тонка, как усики хозяина. Два металлических стеллажа прикручены к светло-зеленым стенам, подвесной потолок из бежевой плитки, а на пол брошен истертый тёмно-коричневый линолеум под паркет.

– Пальто неделю назад отдал. Есть ещё что-нибудь?

Педро наклонился к ноутбуку и застучал по клавиатуре.

– Помню. Клиент облизывался от твоей задумки.

Ермолай обрадовался, и пальцы в нетерпении забарабанили по колену.

– Правда, когда шили, мои портняжки сбраковали. Недели через две придёт от него оплата, – получил он от кубанца жесткий взгляд и неожиданный облом. – Надо было позвонить. А так зря приехал. Хотя сегодня кожаное пальто нарисовалось.

Он взглядом буравил Педро, воображая, как бы сунуть того головой в «гильотину» – между предплечьем и подмышкой, и душить, пока не станет добрее. Подумал об Ане и крохе. Ещё не понимал, но уже ощущал себя центром композиции, называемой семьёй, и уйти пустым не мог.

Стук в дверь, вошла кадровичка.

– Василий Семёнович, билеты на завтра. Обратно взяли на последний рейс, как обычно.

– Хорошо, Света, – и уже Ермолаю: – Не будет меня две недели, к родителям лечу. Сам своих видишь?

– Некогда.

– Это ты зря. Я у своих раз в три месяца бываю. Не хотят сюда переезжать. А без семьи никак. Мне мой комбат так говорил, когда мы с ним в окопе под Грозным лежали, навсегда запомнил, потому что там он остался: «Один, – говорит, – ты быстро по жизни поскачешь, но если есть близкие, с кем успехами делишься, то дойдёшь дальше».

Ермолай перебил:

– Наум Семенович, ну пусть те чайники и сидят без денег. А я-то при чем?

Глаза Педро вспыхнули интересом. Он скрестил пальцы в замок на затылке и откинулся назад.

– Не баламуть. Ведь скоро полгода, как работаем, знать должен: я от своих порядков не отказываюсь. Клиент рассчитался, доволен – и тогда всем радость.

Решимость Ермолая юркнула в пятки, уступая место отчаянию. Но не сдался и сделал выпад на опережение:

– Ладно, подожду. И тогда пальто заберу, но аванс – половина.

По тому, как Педро дернулся телом в кресле, понял свой промах.

– Ты мне условий не ставь! Отдам Линькову. Он и без аванса возьмётся.

Тут Ермолай осознал, что принял за промах обманный финт – Педро раскрылся для болезненного удара.

– Отдавайте. Только ждите такое рублище, что месяц будете клиента умасливать. Помните, как тогда с выпускным платьем намучились.

Хозяин умолк – вспоминал.

– Да, суета долгая была, – встал из-за стола, – идем к главбуху.

На следующий день после чуждого к покою понедельника он провел не менее жёсткий спарринг с владельцем снимаемой квартиры, который лишил билета и необходимости объяснять супруге, куда идёт воскресным вечером. Выцарапанный аванс, хотя и был выше обычной ставки, не гасил арендного долга, но суровые взгляды Федорченко и Мирковича обещали бугристо-мышечному и бритоголовому собственнику богатый выплеск чувств, чем и покрыли нехватку наличных.

До четверга каждая свободная минута между и после учебных пар, пыhtения над рутинным пальто от Педро, сна и еды – это новые линии, силуэты, наброски платьев: кюлот, труба, бэби-долл, пачка, баллон, с оборками или без. Но раз за разом, постукивая карандашом по подбородку, откладывая рисунок, Ермолай не опознавал свою третью конкурсную модель, и такая болтанка сомнений раскаляла в нем отчаяние. Сюрпризом стала смска от Кристины, что халат понравился Емельяну и если будет к воскресенью, то он купит и выйдет в нём на октагон.

В четверг после занятий эскиз пальто попал в ателье, и там Ермолай озадачил двух швей предложением поработать в выходные. Сам же, думая, где дешевле и лучше взять ткань для халата, отправился в спортзал вуза побить груши и манекены. После полутора часов тренировки смыл пот и ругнулся на мертвый телефон – батарея села, зарядку не взял. А надо бы позвонить: последние два дня Аня была вялая, плохо спала. Сегодня ушла домой раньше. Ермолай беспокоился. И не зря.

Дорога до районной больницы заняла чуть больше часа. Ермолай неосознанно отметил резкий силуэт бледно-зеленой униформы женщины-врача, лет за сорок, с тусклым и отечным лицом.

– Вы к Степановой? – прозвучал над бурым кафелем приёмного отделения усталый тихий голос.

Подошел, ожидая беды, сердце ухало в животе.

– Да.

Безучастный взгляд доктора скользнул по нему и остановился где-то за спиной.

– Сейчас ваша жена в норме. Пока. Болезнь редкая, и чтобы исключить риски с ребенком, нужны лекарства. Вот список, – врач протянула листок. – Это хорошие препараты. Чем раньше, тем лучше.

– Можно к ней?

– Нет. Завтра, в часы посещения. Я и так не должна с вами здесь объясняться.

Ермолай вытащил из кармана несколько купюр, не глядя сунул в карман униформы.

– Пожалуйста. Она ждёт. Звонила несколько раз, а у меня телефон сел.

Через десять минут в белом халате вошел в палату. Аня была бледна, как молоко, руки вытянуты вдоль тела, взгляд застыл, а ее каштановые волосы разметались по подушке. Она шевельнула только белками, когда он вошёл и сел на стул рядом с койкой. Стерильность, запах лекарств, красные точки в вене на её руке, следы слёз на щеках жены – Ермолай впал в замешательство, молчал, смотрел и скоблил ногтем кожу на скуле.

Аня всхлипнула:

– Уходи!

Он опешил, вскочил, но снова сел и забормотал:

– Ань, не волнуйся. Ты как себя чувствуешь? Я завтра приду, принесу лекарства.

Она ещё раз всхлипнула, повернулась к нему спиной, а лицом – к окну с выцветшими бежевыми жалюзи. Подтянула колени к животу. Ермолай теперь видел перед собой не цветущую фигуристую девушку, а рыдающий комочек. Встал, чтобы обнять.

– Не надо, не приходи больше, – проговорила она злобно-истеричным голосом. – Мама придет.

Он застыл: слова острыми иглами проткнули душу, впуская бессилие и боль.

– Ань, всё решим.

Ермолай отшатнулся, когда Анна резко повернулась и села. Взгляд горел гневом, а губы-бантики смялись в бесформенную тряпку.

– Я уже решила. Как выпишут, разведёмся. Ты же со мной был только из-за удобства: отец хорошо помогает, так и в Москве можно жить, а не мотаться из подмосковных куличек. А я терпела, чтобы ребенка родить. А теперь зачем?! Надеюсь, ты быстро съедешь.

Опомнился только на улице, когда вечерняя прохлада проникла под распахнутое пальто, застегнулся и побрел в сторону метро. На сгорбленные плечи падал тёплый свет из окон домов, а он ощущал себя сломанным и разбитым, словно опустили хребтом на колено. Только одна мысль билась среди пустыни отчаяния: «Пусть так! Пусть! Решу с лекарствами, съеду, как хочет. А халат?! Халат будет. Будет! Я сделаю!».

Дома залез в инет и онлайн-магазины, огорошила стоимость лекарств и тканей. Портнихи ранее прислали смс с суммой за работу вечером и в выходной, и еще увеличили затраты на шитье халата. Поговорил с тёщей: выедет в субботу, а помочь с деньгами не может – супруг все еще под арестом. Надежды на его родителей тоже не было: после закрытия завода в городе отца сократили, и мать кормила всю семью.

Ермолай собрал вещи. Листы с рисунками уложил на кухонном столе в ровную стопку, а сверху оставил обручальное кольцо.

На этом подиуме не увидеть нарядов. Здесь обнажают тела, характеры и инстинкты, вытряхивая из мыслей пыль бытия.

Пятничный вечер. Город уже покрыла угольная темнота. Ермолай стоит на подиуме в окружении сетки. Смотрит в глаза противнику – по коже холод, а рядом рефери монотонно бубнит правила: в горло, позвоночник и затылок не бить, пах и волосы не трогать, вниз головой не втыкать и прочую никому не нужную хрень. Но ему нужна минута. Всего шестьдесят секунд, чтобы не сдать и остаться в сознании.

Пухлый Мирза с чёрно-рыжей густой бородой и баками собрал бойцов в спортзале училища, арендованного на ночь для подпольных боев. Под едва убеленным штукатуркой потолком, на скрипучем полу с разбросанными по углам матами, вокруг собранного за два часа и установленного на возвышение восьмиугольника собралось несколько десятков зрителей, имеющих достаточно хлеба, но мало зрелищ.

Он надеялся на Мирзу, надеялся на его помощь, поскольку после вежливой просьбы в «быстроприветколлектор» подождать одобрения три-четыре дня цеплялся не то что за соло-

минку – за лапку водомерки. И получил – бородатый устроитель побоищ прошмякал толстыми губами:

– Ну-у, брат, я не могу просто давать бабки. Мои старшие друзья наблюдают, – кивнул в сторону двух мордатых толстячков на диване у стены. – Постой, такая тема есть: выйди против сынка одного тут. Короче, ондохлый, а биться хочет. Давай, а! Ты ж дерешься, знаю, но не профи. А у него папаша, крутой чел в общем, много отваливает. Всего минуту прстоишь – заплачу в два раза больше, чем просишь...

Гонг. Красные доли секунд на черном табло ринулись в целое, а мускулистый «дохляк» – к Ермолаю.

Осталось пятьдесят семь...

Только и успеваает подставлять локти, ладони, колени под прямые и боковые – руками и ногами – удары.

Легкие требуют кислорода, растягивая ребра. Кровь вздувает каждую жилу, морозя боль адреналином.

И снова коллекция ударов: кросс, джеб, хук.

Тридцать одна...

Пот брызжет с тела при каждом движении. Зубы впиваются в капу. Без неё Ермолаю уже разорвали бы дёсны, вывихнули челюсть и сломали зубы. Много пропускает – руки едва-едва держит перед собой.

Махнул в ответ – кажись, попал.

Горячие угли из девятого класса жгут изнутри, призывая терпеть.

Пропускает в бедро. Боль скорпионом кусает мышцу.

Пятнадцать...

– Хватит гладить. Вали уже, – шумят зрители.

Левый глаз уже не видит, губы разбиты в клочья, и язык взбалтывает кровь со слюной.

Пропускает боковой в рёбра – трещат.

Десять...

Борьба в партере.

Ермолай ощущает, как натянуты сухожилия в вывернутой на излом руке, как боль сверлит плечевой сустав, заползая в мозг, как проваливается сквозь настил – и мысли падают во мрак.

Лицо и шепот жены как спасательный трос тащат обратно:

– Ермоша, хватит. Вставай.

Вернулся из провала – на табло застыла минута.

В душ. Деньги в карман. На такси сквозь ночные улицы. В дреме голова свисает на грудь, мыслей, желаний и целей нет. Ничего. Доехал – упал на диван, не раздеваясь.

Разбудил мобильник. За окном светло, на часах – десять. Шевельнулся – по всему телу рассыпалась боль.

– Алло... Нет, работы не будет... Оплачу... в понедельник заеду.

Хромая, доковылял до кухни, жадно выпил воды. Через боль в левой руке вернул обручальное кольцо на палец. Включил ноут, и виндоус приветствовал бодрой мелодией. Ермолай отменил онлайн-заказ на ткани, затем поисковик выдал ссылку на «Аполлон-фарма», где он сложил в корзину перечень из врачебного листка. Поставив галочку «Срочная доставка», набрал номер:

– Мария Степановна, здравствуйте! ...Если сложно, не приезжайте. Мы справимся.

Взял верхний рисунок из стопки на столе. На него смотрел набросок платья-футляра с винтажным пиджаком. Схватил ручку, покрутил, смял лист и бросил на пол. И так пока на буковый ламинат не пали все эскизы.

Положил перед собой чистый лист и провёл первую линию.

Июньское утро. Воробьи щебечут за окном.

До подъёма еще минут пятнадцать, но Ермолай уже раскрыл глаза и тихо лежал, прислушиваясь к ровному сонному дыханию жены рядом. Выключил будильник на телефоне, осторожно сел на край дивана, но мягкотелый предательски скрипнул пожилыми пружинами, отчего Аня перевернулась на спину и сладко чмокнула губами-бантиками. Не проснулась.

На цыпочках прошёл на кухню. Пять минут колдовства, и бело-желтые полукруги, усыпанные рубленой петрушкой, укропом и луком, с кусочками расплывшегося сыра переключались на две тарелки, а турка зашумела на плите. Прислушиваясь, как супруга шумит водой в ванной, написал ответ: «Поздравляю. В два. Позже никак».

Услышал, как открылась дверь.

– Ань, иди. Яичница с зеленью, как ты любишь.

Она зашла, прикрывая зевок. Села напротив. Время добавило округлости ее телу и теплоты лицу.

– Вкусняга! – хлебнула кофе. – Брюки погладила – в шкафу висят.

– Ага. Гуд.

– Сегодня к Педро или к этому... Акуловичу?

Он широко растянул губы в ответ:

– Акиловичу. Не-е, сегодня отдельный заказчик.

Аня надула губы, нахмурила тонкие брови.

– Заказчица, скорее. Такое платье сама бы носила. И чего ты, не понимаю, его на конкурс не отдал?! Тимофеевна точно не прокатила бы.

Уголки его глаз сморщились от легкой улыбки, ощущая правоту и в то же время – напрасность её ревности. Ермолай тихо с нежностью сказал:

– Анют, сошью тебе платье. И не одно. Все подружки твои по-рачьи глаза выпучат, – встал, чмокнул в губы. – И забей ты на этот конкурс – будет другой. Нам главное родить, а потом уже... всё решим.

Ушёл в комнату.

В начале третьего они сидели за капучино в кофейне. Он не узнавал Кристину: синяк под глазом хорошо прикрыт крем-пудрой и едва заметен, вспухшая бровь заклеена пластырем телесного цвета – всё это цена серебра на турнире, но, несмотря на красивые витые локоны и цветастый топ и джинсы от Габбана с Дольче, глаза её были мутные, а взгляд – вялый.

– На полгода, значит... Летишь завтра? – спросил Ермолай.

– Да. Где-то так... Врачи сказали, если повезёт, мама за шесть месяцев будет в норме, – Кристина встала с сердитым лицом, но одарила вымученной улыбкой: – Ладно, друг, пошла я. Треснуть бы тебе, чтоб жену не обманывал. А за платье спасибо.

Он тоже встал.

– Не провожай.

Ермолай опустошил чашку, расплатился и не спеша, нежась в теплых летних лучах, зашагал к метро. Звонок. На экране высветился незнакомый номер.

– Да.

– Степанов, Ермолай? Это Василиса Тимофеевна. Ты зайди ко мне завтра утром.

– Хорошо. А что-то случилось?

– Моему знакомому, а ты знаешь, какие у меня знакомые, халат заказали для какого-то императора, причем последнего. Предложила твой эскиз посмотреть, поэтому зайди завтра – всё расскажу.

Он понял, что обязательно вернётся. Вернётся, чтобы встретиться с одноклассниками и рассказать, что надо верить и идти к цели.

Кораблики

Сынок, я постоянно вспоминаю, как запускали в ручей бумажные кораблики. В один из дней берег разбух из-за дождя. Я держал тебя за воротник куртки, чтобы не упал, но поскользнулся и потащил вниз. Ты испугался, но не заревел. Мокрые и веселые мы побежали сушиться, а ботинки хлюпали к восторгу мамы.

Мы часто гуляли с тобой по лесу. Дикая ароматы смывали привкус городского бетона. Тропинка, усыпанная пожелтевшими хвойными иглами вперемешку с шишками, точно ковер, мягко гасила шаги. Озорное солнце подмигивало сквозь таинственные переплетения ветвей. Ручей прозрачной ленточкой извивался среди деревьев и уходил в чащу. С первым теплом он преображался в бурлящее мутное полотно, пряча гнутые корни ближних стволов.

Кораблики застревали, и мы палками вытаскивали на бурлящий поток. Большинство кувыркалось и сразу тонуло, другие приставали к берегу, откуда невозможно достать. Они колыхались, пока вода и ветра не смягчат бумагу и не утащат на глубину. Некоторые уплывали, то исчезая, то появляясь за поворотами русла. С нетерпением смотрели, когда удаляющийся кораблик выглянет и качнется, словно прощаясь.

Уже взрослый, заходил перед каждой командировкой, и мы гуляли к ручью. С тех пор как ты служил, не рассказывал куда едешь, но я догадывался, что это опасно. Твой сын смотрит на фотографию, где ты с первой медалью «За отвагу» и говорит: «Папа!», а я прячу слезы. В последний раз, уезжая, ты обернулся и махнул, точно на ручье кораблю.

Теперь я хожу пускать кораблики с ним. Он такой же веселый и шустрый. Он подобно тебе проглатывает буквы: «Деда, .дем .учей!» Мы ждем, когда выглянет бумажная ладья, чтобы взмахом руки пожелать счастливого пути. Каждый раз в этот миг сердце ныряет в холодную воду, словно кораблик.

Я постоянно вспоминаю тебя, полного жизни...

Когда-нибудь увидимся, а пока мы с внуком сильно заняты. И я складываю кораблики в ожидании нашей встречи.

Олег Силантьев

Страница автора: vk.com/id169737624

Проживаю в России, Ульяновская область, город Димитровград. По образованию инженер-механик. В лихие девяностые занимался мелким бизнесом. В настоящее время веду небольшое крестьянское хозяйство. Все свободное время отдаю литературе. Любимые жанры: реализм и фэнтези.

О рассказе:

Послевоенные годы. Советская власть ведет борьбу за окончательное искоренение единоличных хозяйств. В этом рассказе представлен один эпизод противостояния полуграмотной крестьянки и представителей местных органов власти.

Осень

Мир не без добрых людей

Народная поговорка

На лесную усыпанную осенней листвой дорогу вышла женщина. В правой руке она несла большую покрытую листьями папоротника корзину, а на спине у неё висел плетеный из бересты короб. Осмотревшись по сторонам, она выбрала направление и уже сделала пару шагов, как вдруг остановилась, поставила на землю корзину и руками осторожно раздвинула растущую вдоль обочины траву. Из-под прошлогодней листвы стеснительно выглядывал мохнатый краешек белого с легким кремовым оттенком груздя. Женщина не торопясь выкрутила гриб, взяла лежащий в корзине нож и выпрямилась. Легкими уверенными движениями она поскоблила ножку гриба, срезала корешок с остатками земли и, отрезав ножку от шляпки, отправила её в рот. Устало расправив плечи и пережевывая гриб, женщина разглядывала окружающий её лес. Эти места она знала с детства. Заброшенная поросшая травой дорога начиналась в том селе, где она жила. Именно в селе, а не в деревне, потому что у них был храм. Мысли о храме тенью легли на ее лицо. В церкви, построенной всем миром еще в прошлом веке, службу сейчас не отправляли. Новые власти устроили там амбар для зерна. Свое-то построить не могут, вот и оскверняют все, до чего руки дотягиваются. А по этот год всю уборочную дожди лили, не переставая. Так они до чего додумались? Поставили в храме зерносушилку, а чтобы растапливать ее – иконы стали на щепу рубить. Как только руки-то поднялись? Она и еще несколько богомольных женщин однажды ночью сломали замок и вынесли святые лики для спасения. Кто сколько смог. Она спрятала у себя на сеновале три больших, в человеческий рост иконы.

Другим своим концом дорога упиралась в старую пасеку. Когда-то эта пасека принадлежала ее отцу. У него было семьдесят ульев. Сейчас там ничего не осталось. Дом, в котором жил пасечник, обветшал, крыша обвалилась. Лишь по пенькам можно понять, где стояли ульи. Сохранился маленький шалаш, который они с сестрой построили будучи еще детьми, и то потому, что она каждый год обязательно несколько раз приходит на это место, поправляет шалаш, а потом сидит и вспоминает всю свою некогда большую семью. Больше всего она печалится о своей сестре. Как там – в далекой холодной Сибири? Жива ли? Тряхнув головой, отгоняя печаль, женщина положила нож и шляпку гриба в корзину, спрятав их под листьями, и широким уверенным шагом направилась в сторону села. Но думы не отступали. Шелест листьев, перекрываемый щебетанием птиц, успокаивал. Здесь, в лесу, подальше от людей, она могла расслабиться и позволить своим мыслям появляться и исчезать, как им захочется. Женщина вспомнила, что вчера приезжал человек из артели, что в Керемети. Приглашал на уборку брюквы. Последняя артель во всей округе, которую еще не переделали в колхоз. Тамошний председатель за работу платит деньгами, не так, как в колхозах, – палочка в тетрадке. Женщина попросила Господа, чтобы он не обходил этих людей своей благодатью. Человек привез три мешка брюквы. Сказал, что это товарный задаток. Она, было, отказалась, но человек настоял, сказав, что если она согласна прийти на уборку, то должна взять задаток. Женщина успокоила себя мыслью о том, что в печке стоит чугунок пареной брюквы, и значит дети дома не голодают. Но появившееся вдруг чувство неясной тревоги, предвещающее неминуемую беду, не успокаивалось и как веревкой, все сильнее и сильнее тянуло к дому.

Маленький домик, четырехстенок, добрую половину которого занимала русская печь, стоял возле речки. На другом берегу когда-то были сенокосные луга. Ее отец и дядька Митрофан каждый год косили там сено. Еще до колхозов, чтобы не объезжать по большому мосту, собрав своих домочадцев, сделали они силами двух семейств запруду через речку. По той запруде накатали дорогу. Если выезжать из села, то слева от новой дороги высился холм ско-

томогильника, не один десяток лет сельчане свозили туда навоз и палую скотину, а справа от дороги стоял этот домик. В те годы жила там безродная старушка. Хозяйства она никакого не вела, потому огорода и каких-либо надворных построек не было. А жила старушка тем, что люди дадут. Бог сжалился над ней и прибрал к себе еще до голодного года. Женщина была маленькой девочкой, когда всю их семью переселили в этот домик, забрав большой, добротный дом в центре села под правление колхоза. После голода к ним в село стали приезжать люди со стороны, строили за речкой себе дома. Там выросла целая улица. В кирпичных амбарах дядьки Митрофана сделали лавки сельпо. И постепенно центр сельской жизни переместился ближе к этому домику. Только холм скотомогильника портил вид и воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.